

Система ГУЛАГа НКВД СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны в современной историографии

Изучение советской лагерной системы имеет длительную историографическую традицию, которая заслуживает отдельного и подробного анализа. Сама роль, которую сыграли лагеря в истории страны, судьбах миллионов людей обуславливает необходимость изучения пенитенциарной системы советского периода. Проблема ГУЛАГа столь широка и многопланова, что сегодня нет ни одной работы, которая охватывала бы все аспекты функционирования лагсистемы.

Начало складыванию историографической традиции положили труды руководителя карательных ведомств республики К.Х.Данишевского (1920 г.), где концентрационные лагеря как места административной изоляции граждан упоминались впервые¹. Тремя годами позже вышла книга «Пенитенциарное дело в 1922 году», которая представляла собой публикацию отчета начальника Главного управления мест заключений НКВД Е.Ширвиндта о состоянии мест заключений². Являясь крупным практическим работником пенитенциарной системы, автор имел возможность обобщить опыт принудительного трудоустройства заключенных в условиях новой экономической политики, дать их классификацию и привести статистические данные об их количестве.

В целом 1920-е годы – это время накопления материала по исправительно-трудовому праву, попыток анализа преобразований в местах лишения свободы и идеологического обоснования кон-

**Юлия Юрьевна Пажит* – студентка V курса факультета международных отношений Уральского государственного университета (г. Екатеринбург).

¹ *Данишевский К.Х.* Революционные военные трибуналы. М., 1920.

² Пенитенциарное дело в 1920 году. М., 1923.

цепции использования принудительного труда, его экономической значимости. Именно с этих позиций в 1935 году был опубликован сборник статей под редакцией Генерального прокурора СССР А.Я.Вышинского³. Данной работе созвучны точки зрения Б.С.Утевского и И.Л.Авербаха⁴. В исследованиях раскрыта картина трудоустройства заключенных, а также приведены статистические данные по их количеству – последние, опубликованные в СССР.

В это же время на Западе начинают публиковаться свидетельства первых узников советского ГУЛАГа. Уже в 1924 году в Берлине вышло исследование историка С.П.Мельгунова, основу которого составили воспоминания очевидцев и личный архив автора⁵. Историк определяет массовые репрессии как открытый апофеоз убийства как орудия власти. Во многом его работа несет идеологическую нагрузку, но несомненным ее достоинством является то, что автором убедительно доказано, что систематические репрессии начались непосредственно с момента прихода большевиков к власти.

Годом позже в Англии были опубликованы воспоминания С.А.Мальсагова, бывшего царского офицера, который в 1925 г. совершил побег из Соловецкого лагеря особого назначения⁶. В своей работе автор дал подробное описание как самого лагеря, так и условий труда и быта. Отдельная глава посвящена многообразию применяемых пыток и произволу лагерной администрации по отношению к заключенным. Его книга вызвала международный скандал. Мировая общественность, узнав об ужасах в Соловецком лагере, развернула кампанию против «принудительных трудов в СССР».

Период 1930 – 1940-х годов для Запада – это время систематизации исторического материала по данной тематике. Первой комплексной работой этого времени стала совместная книга Д.Д.Даллина и Б.Н.Николаевского, содержащая данные о численности советских лагерей, этапах их создания, профиле хозяйственной

³ От тюрем к воспитательным учреждениям / Под ред. А.Я.Вышинского. М., 1934.

⁴ *Авербах И.Л.* От преступления к труду. М., 1936; Утевский Б.Н. Советская исправительно-трудовая политика. М., 1935.

⁵ *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. М., 1990.

⁶ *Malsagoff S.* An Island Hell: a Soviet Prison on the Far North London. 1926.

деятельности⁷. Авторами сделана попытка определить количество заключенных в СССР, которых, по мнению исследователей, было 15 миллионов, однако закрытость статистических данных не позволяет им научно обосновать эту точку зрения. В работе исследуется экономический аспект использования принудительного труда, большое внимание уделено лагерной субкультуре, психологии.

Американский историк Р.Конквест освещает в своей работе различные аспекты функционирования советских лагерей⁸. Автор отмечает, что миллионы рабов-заключенных в распоряжении ГУЛАГа играли важную экономическую роль и воспринимались как нормальный компонент советского народного хозяйства. Вместе с тем Р.Конквест утверждает, что многие проекты, построенные на использовании принудительного труда, часто бывали абсолютно необоснованными. Таким образом, автор стоит на позиции, что лагеря были выгодны, прежде всего, политически, ибо они изолировали от народа всех потенциальных зачинщиков беспорядков и «служили страшнейшим пугалом против любой антисоветской деятельности и даже сомнительных разговоров... Лагеря были конечным продуктом политического террора».

К эмигрантской историографии примыкает исследование Б.Яковлева «Концентрационные лагеря СССР», где описаны карательные органы СССР, дана периодизация становления советской пенитенциарной системы, представлен алфавитный список лагерей, упоминаются лагеря, расположенные непосредственно на Урале⁹. Особое внимание автор уделяет режиму содержания заключенных, их материально-бытовому положению и производственной деятельности. Исследователем определена специфика состава заключенных для каждого конкретного периода становления и развития пенитенциарной системы. Примечательно и то, что в работе отводится место изучению лагерной психологии, нашедшей свое отражение, по словам автора, в изречении: «Никогда не делай того сам, что могут сделать другие». Очевидно, что источниками для автора стали, прежде всего, устные свидетельства, что, впрочем, было характерно для западной историографии в целом.

⁷ *Dallin D., Nicolaevsky B. Forced Labour in Soviet Russia.* New Haven, 1947.

⁸ *Conquest R. The Great Terror.* L., 1965.

⁹ *Яковлев Б. Концентрационные лагеря СССР.* Мюнхен, 1955.

Энциклопедического типа пособие представляет собой и изданный в 1987 году Ж.Росси справочник по ГУЛАГу, содержащий сведения об этапах складывания лагсистемы. Автор исследует ее структуру, приводит данные об отдельных лагерях. Особое внимание уделено режиму содержания заключенных¹⁰.

Одним из наиболее крупных произведений, оказавших большое влияние не только на западную, но и на отечественную историографию, по праву считается историко-публицистическое исследование А.И.Солженицына¹¹. В нем впервые доказательно и последовательно осуждена государственная политика советской власти, начиная с 1917 г., уличены во лжи и насилии как Ленин, так и его последователи. Следует, однако, отметить, что произведение это во многом спорно и противоречиво, не со всем в нем можно согласиться. В вину ГУЛАГу автор вменяет даже то, что совершалось до его возникновения, и то, что никогда не было его функцией: разгром политических партий и церкви, казнь священнослужителей и политических деятелей, изъятие церковных ценностей и многое другое. Но ГУЛАГ в репрессивной системе занимал лишь место заключительного звена. Функция лагерей вступала в действие лишь после того, как определялся состав объектов изоляции и наказания.

Вызывает некоторое сомнение в правдоподобности описываемая им в главе «Малолетки» ситуация: «Осудив малолеток на долгие годы, правительство не перестало быть гуманным, оно не забыло, что эти самые дети – будущие хозяева коммунизма. Поэтому им добавляли в паек и молоко, и сливочное масло, и настоящее мясо». Подобная «забота» выглядит тем более неубедительно, что опровергается рядом документов, воспоминаниями бывших заключенных. Дело в том, что в войну никакого масла и мяса не было, а дети мечтали о баланде, но и той не давали досыта. Это подтверждает и участник описываемых событий Г.Павлов¹². В целом можно отметить безусловную художественную форму произведения. Ее стиль построен на внутренних противоречиях, что соответствует теме. Суровая сдержанность изложения нередко сочетается с разящей иронией и возвышенным пафосом. Но нельзя

¹⁰ Rossi J. The GULAG Handbook. London. 1987.

¹¹ Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. М.: Новый мир, 1990. 460 с.

¹² Павлов Г. Дети и ГУЛАГ//Литературное обозрение. 1991. № 4. С. 99–101.

не оценить, что сам А.И.Солженицын дал трехтомнику многозначительный заголовок: «Опыт художественного исследования», и нелегко, да и неловко отделять «художественное» от «исследовательского» в его «Архипелаге».

Таким образом, анализ научной, публицистической, мемуарной и иной литературы, вышедшей за рубежом как в предыдущие десятилетия, так и в последнее время, позволяет сделать ряд обобщений. Для зарубежной историографии характерен высокий уровень осмысления исторических источников и попытки исследования социальных, экономических и психологических аспектов истории ГУЛАГа, сущности террора и системы лагерей. Однако узость источниковой базы, обусловленная полным отсутствием доступа исследователей к материалам советских архивов, привела к ряду неточностей и субъективным оценкам в изучении этого периода.

Что касается современной отечественной историографии, то в силу сложившегося положения, когда в исторической науке не было принято говорить о лагерях, найти серьезных научных исследований или публикаций на эту тему до недавнего времени не представлялось возможным.

Осмысление историками такого феномена в истории России, как принуждение, насилие, террор и масштабность этих явлений, происходило и происходит постепенно. Непосредственно лагерной тематике посвящено большое число работ. Среди них ведущее место занимают статьи В.Н.Земскова, особенностью которых является попытка окончательно выяснить общий численный состав лагерного контингента ГУЛАГа за все годы его существования¹³. Эта работа сопряжена с огромными трудностями, так как поиск архивного материала, первоначальный его анализ, сравнительно-математические методы исследования наталкиваются на ряд препятствий, в частности на плохую сохранность документов, не всегда

¹³ **Земсков В.Н.** О подлинности статистической отчетности ГУЛАГа // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 155 – 156; *Он же.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10 – 27; *Он же.* ГУЛАГ, где ковалась победа // Родина. 1991. № 6 – 7. С. 69 – 70; *Он же.* Заключенные, спецпереселенцы, ссыльнопоселенцы и высланные: Статистико-географический аспект // История СССР. 1991. №5. С. 151 – 155; *Он же.* Данные о числе осужденных по 58-й статье // Аргументы и факты. 1993. № 5 С. 4.

возможную их сопоставимость. Данные о численности заключенных сведены в таблицы, значение которых трудно переоценить.

На общероссийском материале подготовлена статья В.В.Цаплина, изданная в 1991 г. в журнале «Вопросы истории»¹⁴. Она посвящена количеству лагерного контингента страны в предвоенные годы. Основой для написания послужили сводные бухгалтерские отчеты по исполнению сметы расходов центрального аппарата НКВД СССР, отчеты по основной деятельности и капитальным вложениям различных управлений НКВД (ГУЛЖДС и др.), автор выделяет четыре группы осужденных («А», «Б», «В», «Г») и анализирует уровень их смертности (по состоянию на 1939 г.).

Расхождения в численных показателях авторов объясняются, вероятно, использованием разных источников информации. В.Н.Земсков пользовался данными ЦГАОР СССР, а В.В.Цаплин – ЦГАНХ СССР. Обе стороны (и те, кто настаивает на истинности обнародованных цифр, и те, для кого они фальсификация) вольно или невольно считают, что под учет в лагерях попадала большая часть репрессированных. Здесь следует учесть, что слишком значительным было количество расстрелянных, погибших во время следствия и многодневных транспортировок. Пока мы просто не знаем, каково общее число репрессированных.

Сравнения двух последних публикаций дает возможность понять, насколько сегодня историки разобщены между собой. Как видно, разные авторы, изучая одни и те же исторические явления, выдают принципиально противоположные результаты.

С начала 1990-х годов отечественными исследователями проводится работа по картографированию объектов ГУЛАГа. На основе свидетельств бывших узников, хранящихся в архивах общества «Мемориал», В.Н.Комиссаровым были составлены карты сталинских лагерей европейской части СССР, Центральной и Восточной Сибири, Урала¹⁵. Автор приводит данные о 49 лагерях, находившихся на Урале. Наиболее полно картину дислокации лагерей

¹⁴ Цаплин В.В. Архивные материалы о числе заключенных в конце 30-х годов // Вопросы истории. 1991. № 4 – 5. С. 157 – 163; *Он же*. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 175 – 181.

¹⁵ Комиссаров В.Н. Сталинские лагеря Восточной Сибири // УЭКО. 1990. № 3. С. 58; *Он же*. Сталинские лагеря Дальнего Востока // ЭКО. 1990. № 4. С. 58; *Он же*. Сталинские лагеря Западной Сибири // ЭКО. 1990. № 1. С. 58 – 59; *Он же*. Сталинские лагеря Урала // ЭКО. 1990. № 2. С. 59 – 60.

представляет карта, составленная С. Романовым в масштабах СССР и включающая 1472 лагерных подразделения¹⁶.

Одной из наиболее информативных работ является изданный обществом «Мемориал» справочник по исправительно-трудовым учреждениям, в котором выверенный и систематизированный материал, заключенный в рамки схемы, предоставляет необходимые данные для полноценной исторической реконструкции, не навязывая однозначных интерпретаций¹⁷. Основу данного издания составляют монографические описания около 500 исправительно-трудовых лагерей, включающих сведения об административном подчинении и дислокации лагерных управлений, о штатной и реальной численности заключенных, характере и объеме производственной деятельности, кадровом составе лагерной администрации, а также, по возможности, о местонахождении их архивов.

За границами представленного в книге материала остались многие институциональные формы принудительного использования населения – исправительно-трудовые колонии, тюрьмы, разные виды ссылки и спецпоселения, трудармии, лагеря для военнопленных и интернированных. Хотя суммарные контингенты этих форм количественно превышали собственно лагерное население, однако ключевое положение ИТЛ в пенитенциарной структуре, их ориентация на решение задач государственно-стратегического уровня делают изучение системы исправительно-трудовых лагерей безусловно приоритетным.

Собственно истории создания лагерей посвящены публикации А.И.Кокурина и Н.В.Петрова, в основе которых лежат архивные документы, приказы, директивы НКВД постановления ЦК ВКП (б) об организации лагерей¹⁸. Авторы отмечают, что уже в первые годы советской власти зародилась система, при которой параллельно существовали места заключения для политических противников режима и для обычных уголовных преступников, и уже в 1918 году Наркоматом юстиции РСФСР были сформулированы основные принципы пенитенциарной политики.

¹⁶ *Романов А.* ГУЛАГ – Попытки картографирования // Карта. 1995. № 10 – 31. С. 62 – 123.

¹⁷ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1920 – 1960 гг.: Справочник. М. «Звенья». 1998. 600 с.

¹⁸ *Кокурин А., Петров Н.* ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 1999. № 8 – 12; 2000. № 1 – 3.

Вопросам кадровой политики уделяет внимание Г.М.Иванова¹⁹. Она проводит параллель: по мере роста экономического потенциала ГУЛАГа увеличивалось число дипломированных кадров, преимущественно технических специальностей, однако тут же оговаривается, что среди вольнонаемного состава хозяйственных кадров ГУЛАГа доля специалистов, а тем более ученых, была невелика, преобладали кадры рабочих профессий, в числе которых многие не имели никакой квалификации. В ходе работы автор приходит к выводу, что лагерная служба помогла обрести социальную значимость в обществе людям, которые «в силу своей малограмотности и крайне низких моральных качеств не имели шансов на успех ни в каких других сферах деятельности... Их социальный статус всецело зависел от крепости существовавшего режима, именно поэтому кадры ГУЛАГа были одной из важнейших опор тоталитарной власти»²⁰. Многие положения работы не выдерживают критики и полны противоречий. Характеризуя послевоенный период функционирования лагерной системы, Г.М.Иванова определяет количество заключенных как «чудовищное по масштабам», а смысл существования лагерей видит лишь в «искоренении вольнодумства». Впрочем, в послевоенный период ситуация несколько отличалась от того, что называют «тридцать седьмым»; во-вторых, получается, что лагеря были заполнены только политзаключенными, что не соответствует истине. Более того, автор подводит читателя к мысли, что в ГУЛАГе ежегодно умирало около миллиона человек. Эти данные не подкреплены никакими источниками.

Накопление информации о трудоустройстве заключенных, спецпереселенцев и трудмобилизованных позволило отечественным исследователям поставить вопрос о социальных и экономических аспектах этого явления. Л.С.Трус анализирует качество принудительного труда, его стимулирование, особенности лагерной психологии²¹. Он определяет ГУЛАГ как заповедник рабского тру-

¹⁹ *Иванова Г.М.* ГУЛАГ: государство в государстве. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. Апогей и крах сталинизма. М., 1997. *Она же.* Как и почему стал возможен ГУЛАГ // ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои / Под. ред. И.В.Добровольского. СПб.: Норма, 1998. 176 с.

²⁰ Там же. С. 59.

²¹ *Трус Л.С.* Введение в лагерную экономику // УЭКО. 1990. № 5. С. 135 – 149; № 6. С. 144 – 155.

да. Автор дает характеристику лагерной системе, воспитавшей новый тип человека, в основе своей отличавшегося от человека любой другой страны, любой другой эпохи. Этот «новый» генотип, по словам автора статьи, приобрел уникальный, устойчивый психологический комплекс. Назвал он его «комплексом ГУЛАГа», основными чертами которого являются отвращение к труду (и у эзков, и у вольных), бесхозяйственность как норма существования, жельничество, подозрительность, нетерпимость к проявлениям человеческого достоинства, доходящий до «зоологического» эгоизм, сводящийся к максиме: «Умри ты сегодня, а я – завтра». Фундаментом «комплекса ГУЛАГа», по мнению автора, был и остается культ силы.

Об экономических аспектах функционирования лагерной системы говорят Л.А.Обухов и М.В.Рубинов, определяя место труда заключенных в экономике страны в период складывания советской пенитенциарной системы 1918 – 1920-х гг.²² В основу публикации легли «Декреты советской власти», «Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву», а также материалы Государственного архива Пермской области. Анализируя правовую базу использования труда заключенных, авторы отмечают, что опыт становления советской пенитенциарной системы в исследуемый период и использование труда заключенных пригодились позднее – в 1930 – 1940-х годах.

Дальнейшую эволюцию системы принудительного труда с конца 20-х до начала 40-х годов прослеживает О.В.Хлевнюк²³. Он акцентирует внимание на том, что экономика принудительного труда была одной из существенных опор сталинской системы. Определяя общий удельный вес экономики НКВД в народном хозяйстве страны, автор считает необходимым оговориться, что речь может идти лишь о приблизительной оценке. По его словам, это объясняется тем, что, во-первых, трудно выявить и точно взвесить все области эксплуатации принудительного труда (например, неизвестны сведения о деятельности арестованных ученых и

²² *Обухов Л.А., Рубинов М.В.* Место и роль труда заключенных в период складывания советской пенитенциарной системы 1918 – 1921 гг. // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917 – 1980-е гг.). Сб. статей участников науч. конф. Н.Тагил: НТГПИ, 1997. С. 73 – 84.

²³ *Хлевнюк О.В.* Принудительный труд в экономике СССР (1920-е – 1941) // Человек и экономика. 1993. №1. С. 30 – 33.

инженеров в так называемых шарашках, возникших еще в довоенный период). Во-вторых, по многим параметрам производство НКВД трудно сопоставить с деятельностью обычных хозяйственных наркоматов: заключенные работали, как правило, на самых тяжелых участках, в экстремальных условиях. В-третьих, тяжелейшие условия, нереальные планы заставляли заключенных и лагерных руководителей прибегать к многочисленным припискам, ложным отчетам, халтуре.

Статистические данные, характеризующие производственную систему ГУЛАГа в 1939 – 1940 гг., приводят С.Г.Эбеджанс и М.Л.Важнов. Авторы показывают использование труда заключенных на примере строительства Норильского никелевого комбината²⁴.

На новый качественный уровень исследование проблемы было поднято Н.Ф.Бугаев, одним из первых получивших доступ к засекреченным ранее документам НКВД из фондов ГАРФ²⁵. Публикацией документов предпринята попытка познакомить исследователей с содержанием тех процессов, которые переживали народы СССР уже с 20-х годов. Особое внимание автор уделяет трудовым мобилизациям. В документах дается разъяснение по вопросам: кто подлежал мобилизации, кто освобождался от таковой, каковы были права мобилизованных и порядок снятия с учета. Сам Н.Ф.Бугай видит «главный урок мобилизации в том, что принудительный труд приносил мало пользы в укреплении экономики страны и регионов проживания трудмобилизованных, он оставался трудом без творческого созидательного начала, но в условиях существовавшего тоталитарного режима этот дешевый труд рассматривался как единственная возможность латания дыр в экономике»²⁶.

Наиболее же полно проблема использования принудительного труда раскрыта на уровне регионов. Во-первых, это объясняется близостью источников, возможностью максимального использования материалов из государственных и ведомственных архивов, во-вторых, это возможность респондирования современников тех событий, что позволяет увидеть ситуацию изнутри, в-третьих, это обмен научным опытом посредством научных конференций и ре-

²⁴ **Важнов М.Л., Эбеджанс С.Г.** Производственный феномен ГУЛАГа // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 180 – 190.

²⁵ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. док. (1940-е годы) // Сост. Н.Ф.Бугай. М.: Готика, 1998. 352 с.

²⁶ Там же. С. 8

ализации совместных проектов. Для региональных работ также более характерно эмоциональное восприятие темы, проявление большей человечности по отношению к тем, на чью долю выпала такая трагедия, как лагерная жизнь.

Публикации, посвященные данной тематике, вышли в Москве, Санкт-Петербурге, Сыктывкаре, ряде городов Сибири (Кемерово, Новосибирск, Томск) и Урала (Екатеринбург, Нижний Тагил, Пермь, Челябинск).

В Сибирском регионе данной проблемой занимаются историки Томска, Новосибирска, Кемерово. В 1991 году вышла в свет работа И.Н.Кузнецова, которая представляет собой сборник документов и свидетельств о действиях карательных органов на территории нынешней Томской области; представлен также список жителей области, реабилитированных в 1989 г.²⁷ В Томской области это была первая попытка дать посписочную информацию о жертвах репрессий и создать «Книгу Памяти». Аналогичная работа была проведена В.И.Уймановым, под руководством которого были подготовлены и опубликованы следующие тома подобной книги под названием «Боль людская...»²⁸.

Следует отметить монографию Л.И.Гвоздковой, которая посвящена эволюции сталинских лагерей на территории Кузбасса²⁹. Данные о численности заключенных, их социальном и половозрастном составе, производственной специализации сведены в таблицы. Автор также отмечает влияние ГУЛАГа на современную структуру народного хозяйства и социальный состав Кузбасса и видит в лагерном прошлом причину многих современных экономических, социальных и духовных конфликтов.

О деятельности лагерей в Коми АССР (20 – 50-е годы) повествуют работы Н.А.Морозова³⁰. Основу монографии составляет описание отдельных лагерей, в основе которого лежит производственный признак. Исследователь выделяет шесть основных концепций, наметившихся в работах исследователей, занимающихся

²⁷ *Кузнецов И.Н.* Репрессии 30 – 40-х гг. в Томском крае. Томск: Изд-во Томского университета. 1991. 253 с.

²⁸ *Уйманов В. И* Боль людская... Томск. 1992 – 1994 гг.

²⁹ *Гвоздкова Л. И.* Сталинские лагеря на территории Кузбасса. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. 287с.

³⁰ *Морозов Н.А.* ГУЛАГ в Коми крае. 1929 – 1956 гг. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1997. 190 с.

изучением истории пенитенциарной системы советского периода: официально-охранительная, официально-разоблачительная, консервативно-патриотическая, либерально-консервативная, рационально-демократическая, либерально-критическая. Принадлежность автора к той или иной концепции определяется его ответами на ряд вопросов: Что такое ГУЛАГ – средство или цель? Если средство, то оправдывает ли его цель? ГУЛАГ – явление российское или советское? ГУЛАГ – случайность или закономерность? и т.д. Следует заметить, что сам автор в своей работе не уделяет место анализу исторического материала и не дает научно обоснованных ответов на самим же поставленные вопросы.

Гораздо более интересной и информативной является его работа в соавторстве с М.Б.Рогачевым³¹. Статья подготовлена на региональном материале, охватывает весь период существования лагерей Коми. Исследователи акцентируют внимание на производственной деятельности лагерей и приходят к выводу, что во многом создание промышленного потенциала республики стало возможным за счет эксплуатации труда заключенных.

Анализ региональной историографии (на примере работ историков Сибирского региона и Республики Коми) позволяет сделать вывод о том, что в исследованиях затрагивается широкий круг проблем, связанных с использованием принудительного труда в экономике СССР. Внимание уделено режиму, условиям содержания и быта контингентов НКВД в лагерях, сделаны попытки выяснить удельный вес лагерной экономики и проследить взаимопроникновение лагерного образа жизни, лагерного мышления в общество и обратно. К лагерному наследию относят и экологическую проблему, связанную с массовой вырубкой леса (лесозаготовки были наиболее гулаговской отраслью промышленности) и т.д.

В ряду работ по истории принудительного труда, опубликованных в различных регионах страны, существенное место при-

³¹ *Морозов Н.А., Рогачев М.Б.* ГУЛАГ в Коми АССР (20 – 50-е гг.)// Отечественная история. 1995. №2. С. 182 – 187.

³² *Бибарсова Н.В.* Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению национальной политики в годы Великой Отечественной войны. Автореф. дис... докт. ист. наук. Челябинск, 1991; *Она же.* Патриотический труд советских немцев на предприятиях Урала в годы Великой Отечественной войны // Советские немцы: история и современность. Мат-лы Всесоюз. науч-практ. конф. 15 – 16 ноября 1989 г. С. 195 – 201.

надлежит исследованиям, связанным с уральским ГУЛАГом. Среди профессиональных историков проблемы использования в промышленности Урала военного времени депортированных советских немцев одной из первых коснулась Н.В.Бибарсова, показав масштабность использования их в промышленности региона³². Большое внимание уделено описанию материально-бытового положения трудмобилизованных и методов принуждения к труду, анализируется организаторская и идейно-политическая работа с мобилизованными на Урал тружениками нерусской национальности.

Глубокое освещение тема принудительного трудоустройства советских немцев и других категорий спецпереселенцев получила в ряде работ В.М.Кириллова³³, Г.Я.Маламуда³⁴, В.П.Мотревича³⁵,

³³ **Кириллов В.М.** История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е – начало 50-х гг. Ч. 1,2. Нижний Тагил: НТГПИ, 1996. 248 с.; *Он же.* Советские немцы в лагерях Урала // Жертвы репрессий. Нижний Тагил 1920 – 80-е гг., Екатеринбург, 1999. 435 с.; *Он же.* Спецотряд № 18 – 74 (судьбы немцев-тагильчан) // История репрессий на Урале в годы советской власти. Тезисы науч. конф. 25 – 26 окт. 1994 г. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1994. С. 111 – 113; *Он же.* Законодательное обеспечение репрессивной политики советского государства в период 20 – 50-х гг. // Карта. 1995. №7 – 8. С. 120 – 120; *Он же.* История тюрем и лагерей Нижнего Тагила в советский период // Тоталитаризм и личность. Тезисы докладов научной конференции. Пермь: ПГПИ, 1994. С. 164 – 165.

³⁴ **Маламуд Г.Я.** Генезис системы принудительного труда в СССР и Уральском регионе (1920 – 30-е годы) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика. Сб. статей участников науч. конф. Нижний Тагил: НТГПИ, 1997. С.56 – 71; *Он же.* Депортированные народы как источник рабочей силы в системе ГУЛАГа на Урале (1942 – 1948 гг.), // История репрессий на Урале в годы советской власти. Тезисы науч. конф. 25 – 26 окт. 1994 г. Изд-во УрГУ, 1994. С. 56 – 59; *Он же.* Использование труда мобилизованных советских немцев в промышленности Урала в 1940-х гг. // Урал в прошлом и настоящем. Мат. науч. конф. Ч. 1. Екатеринбург: НИСО УрО РАН, 1998. С. 453 – 457; *Он же.* Использование труда депортированных народов на строительстве Челябинского металлургического завода (1942 – 1948 гг.) // Иван Иванович Неплюев и Южноуральский край. Мат. науч. конф. Челябинск, 1993. С. 70 – 72; *Он же.* Спецпоселенцы на Урале в 1940-е годы // 50 лет победы в Великой Отечественной войне. Мат-лы науч. конф. Екатеринбург: УрГУ, 1995. С. 48 – 50.

³⁵ **Мотревич В.П.** Немецкие трудармии на Урале. К 50-летию начала депортации немецкого населения Поволжья // Наука Урала. 1991. № 33. С. 5; *Он же.* Переселение на Урал; 1941 – начало 50-х гг. // Тезисы докладов VII Всесоюз. конф. М.:ИИ АН СССР, 1993; **Капустин А., Мотревич В.П.** Спецпоселенцы // Уральский рабочий. 1991. 9 июля; *Он же.* Деятельность

А.Б.Суслова³⁶. Данную проблему в своих исследованиях затрагивают также Н.А.Вашкау, Е.А. Шефер³⁷.

В.П.Мотревич классифицирует спецпереселенчество как колоссальный резерв дешевой рабочей силы, столь необходимой для развития производительных сил северных и восточных регионов страны. Автор подробно останавливается на режиме содержания, условиях труда. Побег, объективно обусловленный самим характером общественных взаимоотношений между официальной властью и спецпереселенцами, были неизбежны. Ученый приводит статистику НКВД, согласно которой из числа бежавших из спецпоселений в 40-х годах задерживалось 93%. Основная причина побегов была связана с крайне тяжелыми условиями жизни последних³⁸.

Данной точке зрения созвучна позиция А.Б.Суслова, который исследует механизмы принуждения к труду на уровне Пермской области на примере треста «Молотовнефестрой»³⁹. Автор объяс-

органов НКВД по пресечению побегов спецпоселенцев с территории Урала и Сибири в годы Великой Отечественной войны / История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917 – 1980-е гг.). Сб. статей участников науч. конф. Нижний Тагил: НТГПИ, 1997; *Он же*. Погибли на Урале (судьба депортированных в 1930 – 1931 гг. в Свердловскую область государственных деятелей Эстонской республики) // Архивы Урала. 1996. № 1. С. 210 – 212.

³⁶ *Суслов А.Б.* Трудовая мобилизация советских немцев в годы Великой Отечественной войны (на примере Пермской области) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика. Сб. статей участников науч. конф. Нижний Тагил: НТГПИ, 1997. С. 186 – 187; *Он же*. К вопросу о механизмах принуждения к труду в годы Великой Отечественной войны (на примере треста «Молотовнефестрой») // Урал в прошлом и настоящем. Мат-лы науч. конф. Ч.1. Екатеринбург: НИСО УрО РАН, 1998.

³⁷ *Вашкау Н.А.* Российские немцы в трудармии в годы Великой Отечественной войны // Великий подвиг народа. Ист. чтения, посвященные 50-летию победы в Великой Отечественной войне. Тезисы докладов. Екатеринбург, 1995. С. 143 – 146; *Шефер Е.А.* Немецкая трудармия Свердловской области / Урал в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. Мат-лы науч. конф. Екатеринбург, 1995. С. 99 – 101.

³⁸ *Капустин А., Мотревич В.* Спецпоселенцы // Уральский рабочий 1991. 9 июля.

³⁹ *Суслов А.Б.* К вопросу о механизмах принуждения к труду в годы Великой Отечественной войны (на примере треста «Молотовнефестрой») // Урал в прошлом и настоящем. Мат-лы науч. конф. Ч. 1 Екатеринбург: НИСО УрО РАН, 1998. С. 501 – 503.

няет самовольные уходы с предприятия неудовлетворительными условиями труда и быта и акцентирует внимание на том, что механизмы принуждения к труду на практике срабатывали далеко не так эффективно, как предполагали их создатели. А.Б.Суслов отмечает, что одним из основных стимулов к труду был голод, ибо «невозможность выжить, получая штрафную пайку, заставляла хотя бы наполовину выполнять план». К особо изощренным стимулам к ударному труду исследователь относит обслуживание контингентов ГУЛАГа официантками, что «уже было игрой на человеческих слабостях»⁴⁰.

Попытка комплексного подхода к проблемам использования принудительного труда в промышленности Урала содержится в монографии Н.П.Палецких, посвященной социальной политике в регионе в годы Великой Отечественной войны⁴¹. Социально-экономический статус контингентов принудительного труда автор квалифицирует как государственное рабство, которое было представлено системой ГУЛАГа НКВД СССР. Определяя специфику функционирования лагерей военного периода, автор проводит параллель: с увеличением норм выработки в лагерях возрастала смертность.

А.В.Бакунин приводит данные о различных контингентах, используемых в системе принудительного труда⁴². Он характеризует систему лагерей как крупнейший хозяйственный комплекс в советской экономике. Автор прослеживает закономерность: чем сложнее становились задачи строительства социализма, тем мощнее становилась система ГУЛАГа. А.В.Бакуниным разработана концепция советского тоталитаризма и прослеживается эволюция этого явления. Работа привлекает внимание степенью обобщения материала, а также сравнительно-историческим анализом.

⁴⁰ *Суслов А.Б.* К вопросу о механизмах принуждения к труду... С. 502.

⁴¹ *Палецких Н.П.* Социальная политика советского государства на Урале в годы Великой Отечественной войны. Автореф дис... д-ра ист. наук. Челябинск, 1996. 40 с.; *Она же.* Социальная политика на Урале в годы войны // Урал в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. Тезисы науч. конф. Екатеринбург, 1995. С. 62 – 65.

⁴² *Бакунин А.В.* История советского тоталитаризма. Кн.1. Генезис 255 с. Кн. 2 Апогей. 255 с. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1996; *Он же.* Репрессивная политика советского тоталитарного режима // История репрессий на Урале в годы советской власти. Тезисы науч. конф. 25 – 26 нояб. 1995. Екатеринбург, 1994. С. 78.

В ряде работ Г.Я.Маламуд исследует процесс вовлечения в систему принудительного труда заключенных, спецпоселенцев, трудмобилизованных, раскрывает картину трудоустройства их в экономике, отмечая, что курируемые НКВД контингенты стали неотъемлемой частью трудовых ресурсов страны, и в частности Уральского региона, где они использовались почти всеми отраслями промышленности⁴³. Автор определил сходства и различия в условиях содержания и методах принуждения к труду, ибо различный правовой статус категорий рабочей силы предусматривал определенные различия в режиме содержания, организации труда и быта. Согласно исследователю, использование контингентов НКВД было вполне органично для существовавшей экономической системы, направленной на наращивание производства любой ценой.

Узкие территориальные рамки работы В.М.Кириллова позволили ему осветить историю репрессий 1920 – 50-х гг. многоаспектно⁴⁴. На материалах Северного Урала проанализированы общие тенденции развития репрессивного законодательства в СССР, показаны условия жизни и труда репрессированных, механизм осуществления самих репрессий, особенности складывания и функционирования крупной лагерной системы. Несомненным достоинством работы является то, что автором разработана оригинальная методика сбора и обработки материала, основанная на создании специализированных электронных баз данных.

Институциональным аспектам посвящена монография А.С.Смыкалина, которая представляет ретроспективный анализ системы исправительно-трудовых учреждений с 1917 до конца 1950-х годов⁴⁵. Работу отличает глубокое изучение нормативной базы деятельности советской пенитенциарной системы. Впервые включены в оборот материалы Центрального архива ФСБ РФ, а также ведомственных архивов управлений ФСБ и архивов УВД по республикам и областям Урала. Автор дает периодизацию становления пенитенциарной системы СССР. В ходе работы была сде-

⁴³ *Маламуд Г.Я.* Заключенные, трудмобилизованные НКВД и спецпоселенцы на Урале в 1940-х – начале 50-х гг. Дис... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998.

⁴⁴ *Кириллов В.М.* История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е – начало 50-х гг. Екатеринбург, 1999. 435 с.

⁴⁵ *Смыкалин А.С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. 368 с.

лана попытка определить правовой статус такой категории спецконтингента, как военнопленные.

Работам уральских историков свойственны высокая научность и взвешенность суждений, глубокое понимание предмета исследования. Это способствует складыванию научно-исследовательских центров по данной проблематике, позволяет проводить конференции, дает возможность обмениваться опытом и реализовывать многие проекты.

Анализ зарубежной и отечественной литературы позволяет сделать ряд обобщений. Совершенно очевидно, что в литературе, вышедшей за рубежом, исследователи затронули фактически весь круг проблем истории и практики репрессий в СССР: от концептуального понимания сущности советского строя до описания этапов карательной политики. В западной историографии давно и последовательно осуждается политика коммунистического режима; еще в 1930-х гг. в мемуарной литературе и первых научных исследованиях на эту тему показана сущность террора и системы концлагерей, раскрыты организация и функционирование карательного механизма, судов и внесудебных органов, законодательная система, обеспечивающая репрессии. Однако возможности зарубежных исследователей, лишенных доступа к первоисточникам, были ограничены. Главной базой для них служили личные архивы и воспоминания эмигрантов из СССР. Именно этим были обусловлены ошибки и неточности в данных работах.

В отечественной историографии истории пенитенциарной системы СССР можно выделить два периода. Хронологические рамки первого охватывают период с начала 1920-х по середину 1930-х гг. Начало ему положили труды работников карательных ведомств. Эти работы объединяет то, что в них было дано идеологическое обоснование использованию принудительного труда.

Второй период открывается только с конца 1980-х годов. Долгое время исследователи не могли вырваться за рамки марксистско-ленинской идеологии: хотя репрессии были уже описаны, опыт социалистического строительства не осуждался. Следует также отметить, что первые работы, посвященные данной тематике, охватывали широкий спектр вопросов (культ, идеология, репрессии и т.д.). Однако постепенно происходит сужение исследовательской базы, внимание историков фокусируется на каком-либо одном аспекте проблемы. Это относится к изучению складывания и функ-

ционирования лагерной системы. Так, сегодня изучается роль лагерной экономики – как в масштабах страны, так и на примере отдельных регионов; дебатировются вопросы о механизмах принуждения к труду и влиянии последнего на социальный облик человека.

Наиболее полно функционирование лагерной системы раскрыто на уровне регионов, чему способствует непосредственная близость источников. Для региональной историографии характерны узкие территориальные рамки исследований, что, в свою очередь, позволяет наиболее полно осветить поставленные в работах вопросы. Более того, сравнение и сопоставление работ историков различных регионов страны позволяет достаточно полно представить картину функционирования лагерной системы в масштабах страны.